

Буквально за пару дней до начала Каннского фестиваля корреспондент парижской газеты «Монд» встретился с Изабель Аджани. 78 процентов критиков пророчили ей Приз за исполнение женской роли в фильме молодого режиссера Патриса Шеро «Королева Марго».

Надежды не оправдались — слава досталась сопернице по «короне» — итальянке Вирне Лизи («ЭС» № 20) — вина тому объективная реальность или причудливое лукавство судьбы, никто толком не знает. Тем не менее мы публикуем интервью с Изабель Аджани на наших страницах.

Изабель АДЖАНИ:

«КОРОЛЕВА — ДОБЛЕСТНАЯ ЖЕНЩИНА»

— Вы часто играете персонажей, реально живших, оставивших след в истории. Как вам удается сделать их «своими»?

— Чем больше замкнул на меня тот или иной проект, тем больше я стараюсь «уступить» место героине. Мне хочется дать им свободу. Свободу, которой у них не было в реальной жизни. Во время съемок «Камиллы Клодель» та битва, которую пришлось вести за фильм, удивительно соотносилась со сражениями, которые приходилось вести героине. И я выражала через нее мой гнев, мое желание идти до конца. Но вместе с тем я вносила в фильм какие-то трудности моей личной жизни, того трудного периода, который мне пришлось пережить до «Камиллы Клодель». Конечно, когда фильм только начинался, я не представляла себе, что это будет такой риск, путешествие в собственную душу, поиск предела своих возможностей.

— Успех «Камиллы Клодель» застал вас врасплох?

— Честно говоря, я была потрясена, когда после выхода фильма вновь обострился интерес к ее скульптурам. Некоторые быстро поняли, что на этом можно поживиться, потому что цены на ее произведения резко пошли вверх. Мне даже советовали купить их заранее, предупреждая, что настал «подходящий момент». Но такие игры не для меня. Мне кажется, что подобным поступком я замутнила бы мои отношения с героиней. Предала ее. Потеряла навсегда.

— Среди ваших персонажей — великая Бронте...

— О, это было совсем иначе. Нам с самого начала нельзя было братья за сестер Бронте. Все, кто так или иначе соприкасался с этой семьей, сильно обожались, потому что это подобно проклятию фараонов. Съемки были сплошным кошмаром, в комнаты влетали вороны, как-то раз начался пожар от печки, у всех случались неприятности и несчастные случаи. Нет, никогда больше!

— А ваша первая звездная роль — Адель Гюго двадцать лет назад!

— Адель — это Франсуа Трюффо. От начала до конца. До сих пор помню случай на съемках. Как-то утром стучу в его дверь, захожу к нему в комнату и вижу он обхватил себя ладонями за плечи, а именно так он просил меня делать в тех сценах, когда героине плохо, он считал, что это

графично и позволяет ощутить холод и пустоту внутри. Я спросила, что с ним, он ответил — не знаю, я вообще не понимаю, зачем мы делаем этот фильм, почему я решил его ставить, это идиотская затея — делать кино об умершей женщине. Потом у Франсуа был очаровательный веселый добрый фильм «Карманные деньги», но «История Адель Г.» стала как бы коридором, ведущим в «Зеленую комнату», фильм, где главным героем стала сама смерть.

— После «Камиллы Клодель» вы опять долго не снимались. Почему?

— Работа над «Королевой Марго» затянулась на четыре года. Сначала писался сценарий, потом его переписывали, потом не могли решить, привлекать англичан к финансированию или нет, потом все-таки решили, что кино должно быть чисто национальным. И все это время я ждала. Забавно — это было расценено не как верность проекту, а как следствие моей, якобы, лени, безответственности и не-профессионального отношения к кино. К тому времени, когда должны были начаться съемки, все поверили, что я решила уйти из кино.

— Но вы снялись в «Любви-отраве», крайне неудачном фильме.

— Снялась именно потому, что хотела напомнить: я еще жива. И подумала: наконец-то могу быть такой, какой меня никто еще не видел — простенькой, милой и неприятной. Вначале мне казалось, что фильм вышел веселым и легким. А получилось тяжело и безвкусно. Легкую неприятную вещь развернули в помпезную продукцию, дорогостоящую и, что особенно огорчительно, построенную на моем публичном имидже.

— На прошлогоднем Каннском фестивале вы держались достойно, несмотря на провал, но, наверное, вам это нелегко далось!

— Да, пришлось приклеить на лицо самую казенную улыбку и играть роль хозяйки бала в аду. Впрочем, я с самого начала не обольщалась. Шла по лестнице Дворца и представляла себе, что рядом со мной идут Антигона и Ифигения.

— Но сейчас, год спустя, вы возвращаетесь в Канны с триумфом. Расскажите о работе над «Королевой Марго».

— Трудно рассказывать. Трудно говорить сейчас, пока все еще не остыло. Пришлось начинать с движений, походки, жестов. Учиться не

быть куклой в костюмном кино, и вместе с тем не стать персонажем с настенной фрески. Патрис ставил «Королеву Марго» очень физически, ему хотелось ощутить эпоху на вкус. Время смут, время слов, герои разговаривают, даже когда занимаются любовью, словно становится продолжением не только их душ, но и их тел.

— Если бы вам пришлось определять героиню одним словом, вы назвали бы ее.

— Доблестной. Все.

— Можете вспомнить какую-нибудь сцену, которую было очень трудно снимать?

— Смерть Шарля. Мы с Жан-Югом Англадом заключили тайный пакт, что будем играть не друг с другом, а друг для друга. В этот день на съемочной площадке была угнетающая атмосфера: накануне у оператора Филипа Руссо умер отец. Мы все очень переживали. И тогда я совершенно неожиданно для себя сказала: «Когда будете готовы, предупредите нас, потому что мы сможем сделать один дубль, максимум — два». И Жан-Юг посмотрел на меня с признательностью, потому что ему-то предстояла самая трудная сцена. И мы сорежиссировали ее очень сложно, со слезами, страданием, это был мистический момент.

— А первая встреча Марго и Ламоля?

— О да, это было очень тяжело. Старые стены старого Бордо, камни которые впиваются вам в спину! Кстати, режиссера эта сцена особенно сильно угнетала. Мы с Венсаном чувствовали себя кретинами, не знали, что делать. Конечно это не «Основной инстинкт», но все-таки Венсан сказал: «Жаль, что нет джина с тоником, этот напиток пробуждает во мне зверские инстинкты!» Тотчас же ассистент принес ему джин и тоник, вернее, два джина с тоником, очевидно, второй предназначался мне, и вдруг наш режиссер схватил второй бокал и... В общем, это был самый смешной момент за все время съемок.

— Последний вопрос — вы лично довольны своей работой?

— Я испытываю огромное облегчение. Так приятно быть в фильме, но не быть самим фильмом. Хорошо, когда у человека есть право на несовершенство, на ошибки, на неудачи. Мне этого обычно не прощают.

Беседу вел

Даниэль ЭЙМАН.

Жран и сыновья - 1994 - 16-23 июня (223) - с. 13